

соединение <...> Акт может длиться долго, и лучше, когда долго: это даст собраться с *мыслями*. Тут в мыслях может пройти воспоминание трогательных минут истекшего супружества; представление милого будущего ребенка (если он уже зачат, то это тем паче; а если нет — то мечта может быть полна ожиданием зачатия: в обоих случаях мысль о ребенке возможна). Но, во всяком случае, в душе должна стоять ветвь правды, лоза красоты (*древо жизни*)» (ВМНН, 321). Вместе с тем Р. отмечает, что З. и «первородный грех» сливаются в церковных воззрениях. «Непостижимо тогда, и едва ли искренно, все учение Запада и Востока о “тайне супружества”. Какое же может быть тогда “святое таинство”, состоящее из суммы, итога «греховных актов»?!!» (ВМНН, 142). Осуждая *девушку* за внебрачных детей, пишет Р., «всегда кричат, что они родили по “развратному влечению” к совокуплению: тогда как, наоборот, они совокупляются в силу неодолимой потребности к зачатию! Совсем разная оценка факта: из immoralного он переходит в глубоко моральный, в исполнение воли Божией и закона природы» (ВТРЛ, 338). А.Н.

ЗАЯЦ. Жизнь З. выступает у Р. как языческий символ. «Заяц ест ту капусту, которая у него перед *носом*. — И я. Не помышляя, чей огород. — И я. Кто его работал. Садил. — И я. Потому что — *Солнце*... Я тоже думаю. А ночью — *Луна*. Думаю и это. И еще звезды... Я их люблю. И благодарит *Бога*... И я. Потому что сыт. И я. И потом играет с зайчихой. И я играю» (М, 54). В этой розановской модели проявляются характерные для славянской мифологии представления о плодovitости З., наделяемом любовно-брачной символикой, и капусте как символе брака и плодоносящего начала (по поверью, *детей*, которых находят в капусте, приносит туда З.). Через образ З. писатель раскрывает новизну жанра «*опавших листьев*» как свободной формы: «Зорька — и *мысль*. Другая зорька — другая *мысль*. Калоши — валяются... Мысли — валяются. Калоши — в дырах. В мыслях — ошибки. И отлично. Капустка все-таки растет, “с ошибками или без ошибок”, и заяц так обеими лапками и загребает в *рот*» (М, 96). Образом мертвого З. писатель выражает трагизм человеческого бытия: «Обыватели — заяц, Розанов. И умерший заяц, и Розанов, когда он умрет... Но Розанов вовсе не хочет умирать» (ПЛ, 126).

А.А. Медведев

ЗЕРКАЛО. Среди *вещей* Р. обращал особое внимание на З. В статье «О древнеегипетской *красоте*» (МИ, 1899. № 10–12) он говорит о жестокосердии того *человека*, который был изобретателем З. «Мы не все равно прекрасны — вот мучительная *истина*, которую темный *гений* этого изобретателя въязвил в *душу* человека, заразил ею душу человека, отравил ею душу человека. Сколько несчастия произошло от этого! И как померк образ человека: по нему разлилась зависть или — злобное торжество. Как одно *чувство*, так и другое именно низвергнули вниз человека, и это, по-видимому пустое и ничтожное, изобретение было, в сущности, одним из самих ядовитых плодов среди той серии, которую преемственно кушал и кушает человек и в меру их съедания — удаляется от *Бога*, припадает к дьяволу. “Мы все прекрасны”; “нет ни дурнушек между нами, ни уродцев”; мы — все хорошие, — вот альфа сознания и первая ступень к тому, чтобы действительно все стали хороши» (ВДЯ, 15). Полагая, что З. не может сказать человеку ничего хорошего, Р. надеется на будущее: «В будущем веке” не будет зеркал;